

АЗБУКА-ПОЭЗИЯ

ПОЭТЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1+6-5
П 67

Оформление обложки Вадима Пожидаева

© М. И. Новгородова, 2021
© Б. Л. Пастернак (наследники), 2021
© О. Н. Сабурова, статья, составление, 2021
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19480-9

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

По аналогии с пушкинским золотым веком период конца XIX — начала XX столетия получил название Серебряного века и был ознаменован появлением небывалого числа ярких имен в русской поэзии: Константин Бальмонт и Валерий Брюсов, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, Федор Сологуб и Иннокентий Анненский, Александр Блок и Анна Ахматова, Николай Гумилев и Осип Мандельштам, Марина Цветаева и Борис Пастернак, Сергей Есенин и Владимир Маяковский — и десятки других.

Но не только великим множеством поэтических дарований было отмечено это время. Эпохе Серебряного века было присуще особое романтическое мироощущение, своеобразная атмосфера, ставшая отражением новых веяний, которые затронули как русскую литературу, так и русскую живопись, философию, музыку и театр, — как писал Николай Бердяев, это был настоящий «культурный ренессанс»:

«В эти годы России было послано много даров. Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и ок-

культизму. ...Были открыты новые источники творческой жизни, видели новые зори, соединяли чувства заката и гибели с чувством восхода и с надеждой на преобразование жизни...» (*Бердяев Н. Самопознание. 1940, изд. 1949*).

Начало этой эпохи относят к 1890-м годам, когда черты «самого крайнего материализма» соединились с «самыми страстными идеальными порывами духа».

«Мы присутствуем при великой... борьбе двух взглядов на жизнь, двух диаметрально противоположных мирозерцаний. Последние требования религиозного чувства сталкиваются с последними выводами опытных знаний», — писал Д. С. Мережковский в книге «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893); автор провозглашал возрождение художественного идеализма в искусстве, который пришел на смену «удушающему мертвенному позитивизму» (в литературе позитивизму соответствовал «грубый реализм»).

Книга Мережковского стала манифестом первых русских символистов, самому влиятельному художественному направлению Серебряного века, которое определило развитие русской поэзии в последующие десятилетия. В рамках этого направления творили Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский («старшие» символисты), Вячеслав Иванов, Александр Блок и Андрей Белый (младосимволисты). К символистам были близки Федор Сологуб и Иннокентий

6 Анненский, а также Владимир Соловьев, поэт и ре-

лигиозный мыслитель, оказавший самое непосредственное влияние на творчество младосимволистов.

«Новейшая теория познания воздвигла несокрушимую плотину, которая навеки отделила твердую землю, доступную людям, от безграничного и темного океана, лежащего за пределами нашего познания... Куда бы мы ни уходили, как бы мы ни прятались за плотину научной критики, всем существом мы чувствуем близость тайны, близость океана». К этому «океану», лежащему за пределами научного познания, по мысли Мережковского, обращались гении прошлого (в их числе Толстой и Достоевский), к нему обращена и литература будущего. Тремя главными элементами нового искусства он называл «мистическое содержание», «символы» и «расширение художественной впечатлительности». При этом символы не могут быть чем-то надуманным; как писал Мережковский, они должны «естественно и невольно выливаться из глубины действительности». А если автор придумывает их искусственно, чтобы выразить какую-то идею, они превращаются в «мертвые аллегории, которые ничего, кроме отращения, как все мертвое, не могут возбудить».

Спустя десятилетие Вячеслав Иванов, поэт и теоретик «младших» символистов, существенно трансформировал понятие символа, который теперь рассматривался как связующее звено между двумя мирами — видимым и незримым, материальным и идеальным: «Символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровен-

ном... языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине» («Поэт и чернь», 1904).

К началу XX века символизм не просто упрочил свои позиции в литературе (действовали символистские издательства, выходили книги и альманахи), но и обрел многочисленных последователей и подражателей; можно сказать, стал повальным увлечением и даже образом жизни, порой обращаясь в драмы далеко не литературные¹. Все писали стихи, темные и непонятные, занимались спиритизмом и черной магией, «ловили миги», погружались в пучины эроса; и «в каждом квартале жило по мистику», которого знал квартальный, как шутил Андрей Белый («Симфония (2-я, драматическая)», 1902).

На символистские вирши сочинялись пародии не только ярыми «противниками», но и «сторонниками».

Некоторые из этих пародий стали хрестоматийными:

Горизонты вертикальные
В шоколадных небесах,
Как мечты полужеркальные
В лавровишневых лесах.

Призрак льдины огнедышащей
В ярком сумраке погас,

¹ О разрушении границы между поэзией и жизнью и подлинных человеческих драмах, обернувшихся кровью далеко не символической, см., например, у Вл. Ходасевича в книге воспоминаний «Некрополь» (1939; главы «Конец Ренаты», «Муни» и др.).

И стоит меня не слышащий
Гиацинтовый пегас.

В этом шуточном стихотворении Владимир Соловьев еще в 1895 году, отталкиваясь от типичной образности «завязтого» символиста, обыгрывал нелепое совмещение взаимоисключающих понятий: «яркий сумрак», «огнедышащая льдина», «вертикальные горизонты» и т. д.

«Пусть ваша душа будет цельна или расколота, пусть миропостижение будет мистическим, реалистическим, скептическим или даже идеалистическим (если вы до того несчастны)... пусть будет настроение, впечатление — что хотите, но, умоляю, будьте логичны, — да простится мне этот крик сердца!.. — восклицал Михаил Кузмин, обращаясь к современникам. — Любите слово, как Флобер, будьте экономны в средствах и скупы в словах, точны и подлинны, — и вы найдете секрет дивной вещи — *прекрасной ясности*» («О прекрасной ясности», 1910).

В 1912 году Николай Гумилев объявил о рождении нового литературного направления, акмеизма, который пришел на смену символизму: «Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого. Попеременно он брался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом», однако «непознаваемое, по самому смыслу этого слова, нельзя познать... все попытки в этом направлении — нецеломудренны. {...} Детски-мудрое, до боли сладкое ощущение собственного незнания — вот то, что нам дает неведомое» («Наследие акмеизма и символизм»).

«Борьба между акмеизмом и символизмом... есть прежде всего борьба за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время... — провозглашал Сергей Городецкий. — Символизм, в конце концов заполнив мир „соответствиями“, обратил его в фантом, важный лишь постольку, поскольку он сквозит и просвечивает иными мирами, и умалил его высокую самооценку. У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще» («Некоторые течения в современной русской поэзии», 1913).

Наряду с Гумилевым и Городецким в число акмеистов вошли Анна Ахматова, Осип Мандельштам и др.

В начале 1910-х годов громко заявили о себе деятели и другого литературного направления — футуристы.

Русский футуризм не был явлением однородным; под его знаменем выступали такие не похожие друг на друга авторы, как Владимир Маяковский и Велимир Хлебников, Игорь Северянин и Борис Пастернак, десятки других. Правда, для некоторых из них футуризм стал лишь страницей в творческой биографии, одной из многих.

Во имя красоты нового «самовитого» слова футуристы решительно открестились не только от символистов, но и от литературной традиции в целом, желая сбросить с «парохода современности» Пушкина, Толстого, Достоевского и всех остальных.

В их первом скандальном манифесте «Пощечина общественному вкусу» (1912) было объявлено:

«Только мы — лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве...

Всем этим Максима́м Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузминым, Буниным и проч. и проч. — нужна лишь дача на реке. Таковую награду дает судьба портным.

С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество!»

В поисках самоценного, «самовитого» слова футуристы активно занимались словотворчеством. Одни придумывали новые слова, используя старые славянские корни, — например, Хлебников. Другие, как Маяковский, дробили слова рифмой. Причем оказалось, что рифмовать можно не только конечные, но и начальные слова.

Широко использовались внутренние рифмы и способ расположения строк «лесенкой» (которую впоследствии взяли на вооружение советские поэты, такие как Евгений Евтушенко и Роберт Рождественский).

И если в поэтике символизма слово имело подчиненное значение и играло «вторичную» роль в создании символа, то футуристы ценили «слово как таковое».

Важно не что, а как:

«...Язык должен быть прежде всего языком... До нас речетворцы слишком много разбирались в человеческой „душе“ (загадке духа, страстей и чувств)... а так как мы, баячи бюджетляне, больше думали о сло-

ве, чем об затасканной предшественниками „Психее“, то она умерла в одиночестве, и теперь в нашей власти создать любую новую... Захотим ли? Нет!..» (А. Крученых и В. Хлебников. Слово как таковое. 1913).

В стремлении вернуть слову все его «права», буделяне доходили до крайностей:

дыр, бул, щыл,
убещур
скум
вы со бу
р л эз —

«...В этом пятистишии более русского национального, чем во всей поэзии Пушкина», — объявляли авторы («Слово как таковое»).

Подобные «дерзости» у читателей и зрителей (в моде тогда были футуристические выступления со сцены — диспуты, чтения, спектакли) вызывали соответствующий отклик. В рецензии на «поэзы» эгофутуриста Игоря Северянина Николай Гумилев заметил: «Мы присутствуем при новом вторжении варваров, сильных своею талантливостью и ужасных своею небрежливостью. Только будущее покажет, „германцы“ ли это или... гунны, от которых не останется и следа» («Статьи и заметки о русской поэзии», 1914).

Мошенники, хулиганы, балаганные шуты — так воспринимали футуристов многие современники. Но это не мешало росту их популярности, особенно у молодежи. Однако с началом Первой мировой войны интерес к футуристам упал, внимание пуб-

лики переключилось на другие, более насущные проблемы...

Даже самый краткий обзор Серебряного века был бы неполным без упоминания имен, которые невозможно включить в ту или иную литературную группировку, приобщить к какому-то направлению, будь то символизм, акмеизм, футуризм или что-то еще. Так, например, Сергей Есенин, начинавший в рамках «новокрестьянской поэзии», а затем примкнувший к имажинизму, в своем творчестве перерос и то и другое. Вне школ и групп остались Иван Бунин, Михаил Кузмин, Максимилиан Волошин, Владислав Ходасевич, Марина Цветаева, которые «ни к чему и ни к кому не пристали, остались навек одинокими, „дикими”», поставив тем самым в тупик литературных классификаторов и составителей антологий, которые не знают, куда их «приткнуть» (Вл. Ходасевич. Младенчество. 1933).

Относительно даты окончания Серебряного века единого мнения не существует: 1914 год (начало Первой мировой войны), 1917-й (Октябрьская революция), 1921-й (смерть Блока и расстрел Гумилева) или даже 1930-й (самоубийство Маяковского).

Однако творческий путь многих поэтов этой эпохи не прервался ни в 17-м году, ни в 30-м. А некоторым из них еще предстояло написать свои лучшие стихи. И это тоже вызывает определенные трудности у «составителей антологий». Какие стихотворения, например, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой или Анны Ахматовой следует включить в сборник поэзии Серебряного века, а от каких можно отказаться?

Другая трудность касается выбора авторов. На эпоху Серебряного века пришелся небывалый всплеск поэтической «активности» — десятки имен! Творчество одних поэтов прошло испытание временем и стало классикой, творчество других знакомо сегодня только специалистам. В настоящем сборнике, желая с достаточной полнотой познакомить читателя с наиболее яркими поэтами Серебряного века, составитель ограничился лишь «узким кругом» авторов, поэзия которых стала достоянием не только Серебряного века, но и частью русской литературы в целом.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

* * *

В сне земном мы тени, тени...
Жизнь — игра теней,
Ряд далеких отражений
Вечно светлых дней.

Но сливаются уж тени,
Прежние черты
Прежних ярких сновидений
Не узнаешь ты.

Серый сумрак предрассветный
Землю всю одел;
Сердцем вещим уж приветный
Трепет овладел.

Голос вещей не обманет.
Верь, проходит тень, —
Не скорби же: скоро встанет
Новый вечный день.

9 июня 1875

* * *

Друг мой! прежде, как и ныне,
Адониса отпевали.
Стон и вопль стоял в пустыне,
Жены скорбные рыдали.

Друг мой! прежде, как и ныне,
Адонис вставал из гроба,
Не страшна его святыне
Вражьих сил слепая злоба.

Друг мой! ныне, как бывало,
Мы любовь свою отпели,
А вдали зарею алой
Вновь лучи ее зардели.

3 апреля 1887

* * *

Бедный друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и венки твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

18 сентября 1887

* * *

Зачем слова? В безбрежности лазурной
Эфирных волн созвучные струи
Несут к тебе желаний пламень бурный
И тайный вздох немеющей любви.

И, трепеща у милого порога,
Забытых грез к тебе стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Один лишь миг — и я перед тобой.

И в этот миг незримого свиданья
Нездешний свет вновь озарит тебя,
И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Начало сентября 1892

* * *

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

1892

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. Сабурова. От составителя</i>	5
--	---

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

«В сне земном мы тени, тени...»	15
«Друг мой! прежде, как и ныне...»	16
«Бедный друг, истомил тебя путь...»	17
«Зачем слова? В безбрежности лазурной...»	18
«Милый друг, иль ты не видишь...»	19
«Вижу очи твои изумрудные...»	20
Сон наяву	21
«Лишь забудешься днем или проснешься в полночи...»	22

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

Первый фортепьянный сонет	23
На воде	24
Утро	25
Декорация	26
Смычок и струны	27
Мучительный сонет («Едва пчелиное гуденье замолчало...»)	29
432 «Я на дне, я печальный обломок...»	30

Он и я	31
Весенний романс	32
Среди миров	33
Миражи	34

ФЕДОР СОЛОГУБ

«Я — бог таинственного мира...»	35
«За мельканьем волшебных узоров...»	36
«В поле не видно ни зги...»	37
Звезда Маир	38
«Недотыкомка серая...»	39
«Когда я в бурном море плавал...»	40
«Мы — плененные звери...»	42
Собака седого короля	43
«Я был один в моем раю...»	47
«Вы не умеете целовать мою землю...»	49
«Все было беспокойно и стройно, как всегда...»	50
Чертовы качели	51

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

Песня без слов	53
«Я мечтою ловил уходящие тени...»	54
Камыши	55
«Я вольный ветер, я вечно вею...»	56
Ангелы опальные	57
«Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...»	59
«Я — изысканность русской медлительной речи...»	60
Играющей в игры любовные	61
Я не знаю мудрости	62
Безглагольность	63
«Я ненавижу человечество...»	64

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

Поэту наших дней	65
«Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу...»	67
«„Христос воскрес“, — поют во храме...»	68
Молчание	69
Нирвана	70
Дети ночи	71
Двойная бездна	73

ЗИНАИДА ГИППИУС

Песня	75
Иди за мной	77
Осень	78
Любовь — одна	80
Надпись на книге	81
Лестница	82
Там	83
Она	85

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Сонет к форме	86
Творчество («Тень несозданных созданий...»)	87
Юному поэту	88
«Ни красок, ни лучей, ни аромата...»	89
Женщине	90
К самому себе	91
Каменщик	92
Зерно	93
«Да, можно любить ненавидя...»	95
434 Поэт — Музе	97

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Тризна Диониса	99
Сны	101
Увлечение	102
Любовь	103
Алмаз	104
Римские сонеты	
I. «Вновь арок древних верный пилигрим...»	105
II. «Держа коней строптивых под уздцы...»	105
III. «Пел Пиндар, лебедь: „Нет под солнцем блага...“»	106
IV. «Окаменев под чарами журчанья...»	107
V. «Двустворку на хвостах клубок дельфиний...»	107
VI. «Через плечо слагая черепах...»	108
VII. «Спит водоем осенний, окроплен...»	109
VIII. «Весть мощных вод и в веяньи прохлады...»	109
IX. «Пью медленно медвяный солнца свет...»	110

МИХАИЛ КУЗМИН

«Где слог найду, чтоб описать прогулку...»	111
«О, быть покинутым — какое счастье!..»	112
Вечер	113
«Светлая горница — моя пещера...»	114

Из цикла «Александрийские песни»

Любовь

«Люди видят сады с домами...»	115
«Когда утром выхожу из дома...»	115

Она

«Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было...»	116
--	-----

«Весною листья меняет тополь...»	117
«Сегодня праздник...»	117
«Разве неправда...»	119

Мудрость

«Я спрашивал мудрецов вселенной...»	120
«Что ж делать...»	121
«Как люблю я, вечные боги...»	122
«Сладко умереть...»	123

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

Зеркало	125
Таиах	126

Из цикла «Киммерийские сумерки»

Полынь	128
«Старинным золотом и желчью напитал...»	129
«Здесь был священный лес. Божественный гонец...» ...	130
Полдень	130

Corona Astralis

«В мирах любви — неверные кометы...»	132
--	-----

Венок сонетов

1. «В мирах любви неверные кометы...»	133
2. «Закрыт нам путь проверенных орбит...»	133
3. «Явь наших снов земля не истребит...»	134
4. «Полночных солнц к себе нас манят светы...»	134
5. «Ах, не крещен в глубоких водах Леты...»	135
6. «Наш горький дух... (И память нас томит...)...» ...	136
7. «В нас тлеет боль внежизненных обид...»	136
8. «Изгнанники, скитальцы и поэты...»	137
9. «Тому, кто зряч, но светом дня ослеп...»	137
10. «Тому, кто жив и брошен в темный склеп...»	138
11. «Кому земля — священный край изгнания...»	139

12. «Кто видит сны и помнит имена...»	139
13. «Тому в любви не радость встреч дана...»	140
14. «А темные восторги расставанья...»	140

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Мои слова	142
Золотое руно	
1. «Золотая, эфир просветится...»	143
2. «Пожаром склон неба объят...»	144
На горах	146
Пир	148
Прогулка	150
На улице	151
Утро	152
Друзьям	153
Осень	154

АЛЕКСАНДР БЛОК

«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»	155
«Целый год не дрожало окно...»	156
«Погружался я в море клевера...»	157
«Отворяются двери — там мерцанья...»	158
Балаганчик	159
«Девушка пела в церковном хоре...»	161
«В кабаках, в переулках, в извивах...»	162
Сытые	164
Незнакомка	166
Снежное вино	169
«Ушла. Но гиацинты ждали...»	170
«О, весна без конца и без краю...»	172
«Она пришла с мороза...»	174

К Музе	176
В ресторане	178
Унижение	180
«Миры летят. Года летят. Пустая...»	182
«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...»	184
«О доблестях, о подвигах, о славе...»	185
«Ночь — как ночь, и улица пустынна...»	187
«О, я хочу безумно жить...»	188
Поэты	189
Перед судом	191
«О да, любовь вольна, как птица...»	193
«Река раскинулась. Течет, грустит лениво...»	195
Россия	197
«Рожденные в года глухие...»	199
Пушкинскому Дому	200

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

«Там, где жили свиристели...»	202
«Бобэоби пелись губы...»	203
Кузнечик	204
«О, достоевскиймо бегущей тучи!..»	205
Заклятие смехом	206
«Мы желаем звездам тыкать...»	207
«Слоны бились бивнями так...»	208
«Люди, когда они любят...»	209
«Когда умирают кони — дышат...»	210
«Как два согнутые кинжала...»	211
Мне мало надо!	212
«Когда над полем зеленеет...»	213
«Муха! нежное слово, красивое...»	214
«Ветер — пение...»	215

Я и Россия	216
Не шалить!	217

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

Жираф	218
«На полярных морях и на южных...»	219
Я и вы	221
Сонет («Я, верно, болен: на сердце туман...»)	222
Она	223
Я верил, я думал...	224
У камина	226
Память	228
Слово	231
Шестое чувство	233
Заблудившийся трамвай	235

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

Брента	238
Акробат. Надпись к силуэту	240
«О, если б в этот час желанного покоя...»	241
Обезьяна	242
«Люблю людей, люблю природу...»	244
Гостю	245
«Все жду: кого-нибудь задавит...»	246
Стансы («Бывало, думал: ради мига...»)	247
Пробочка	248
Из дневника («Мне каждый звук терзает слух...»)	249
Ласточки	250
«Перешагни, перескочи...»	251
«Горит звезда, дрожит эфир...»	252
Вечер («Под ногами скользь и хруст...»)	253

«Странник прошел, опираясь на посох...»	254
Март	255
Улика	256
Слепой	257
Берлинское	258
Баллада («Мне невозможно быть собой...»)	259
Перед зеркалом	261

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

Это все для ребенка...	263
Мороженое из сирени!	264
Это было у моря. Поэма-миньонет	265
Кензели	266
Экссессерка	267
Эпилог	
I. «Я, гений Игорь Северянин...»	268
II. «Я выполнил свою задачу...»	269
Увертюра («Ананасы в шампанском!...»)	271
Полусонет («Твои горячие кораллы...»)	272
Интродукция («Я — соловей: я без тенденций...»)	273
Классические розы	274

АННА АХМАТОВА

«Сжала руки под темной вуалью...»	275
Сероглазый король	276
Песня последней встречи	277
«Как соломинкой, пьешь мою душу...»	278
«Мне с тобою пьяным весело...»	279
Смятение	280
440 Вечером	282

«Все мы бражники здесь, блудницы...»	283
Отрывок	284
«Настоящую нежность не спутаешь...»	285
«Столько просьб у любимой всегда!..»	286
«Я научилась просто, мудро жить...»	287
«Я пришла к поэту в гости...»	288
«Был он ревнивым, тревожным и нежным...»	289
«Чернеет дорога приморского сада...»	290
Июль 1914	291
«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»	293
«Когда в тоске самоубийства...»	294
«А, ты думал — я тоже такая...»	295
«Я гибель накликала милым...»	296

БОРИС ПАСТЕРНАК

«Февраль. Достать чернил и плакать!..»	297
«Я понял жизни цель и чту...»	298
Июльская гроза	299
Импровизация	301
Марбург	302
Зеркало	306
Не трогать	308
«Любимая — жуть! Когда любит поэт...»	309
Маргарита	311
«Здесь прошелся загадки таинственной ноготь...»	312
Борису Пильняку	313
«Годами когда-нибудь в зале концертной...»	314
«Любить иных — тяжелый крест...»	316
«Никого не будет в доме...»	317
«О, знал бы я, что так бывает...»	319

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

«Только детские книги читать...»	320
«Дано мне тело — что мне делать с ним...»	321
«Невыразимая печаль...»	322
Silentium	323
«Из омута злого и вязкого...»	324
«Сегодня дурной день...»	325
Раковина	326
«О небо, небо, ты мне будешь сниться!..»	327
«Я вздрагиваю от холода...»	328
«Образ твой, мучительный и зыбкий...»	329
«Нет, не луна, а светлый циферблат...»	330
Царское Село	331
«Природа — тот же Рим и отразилась в нем...»	333
«Я не слышал рассказов Оссиана...»	334
«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»	335
«Золотистого меда струя из бутылки текла...»	336
«На страшной высоте блуждающий огонь!..»	338
«Возьми на радость из моих ладоней...»	339
«За то, что я руки твои не сумел удержать...»	340
Век	342
Ленинград	344

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

«Уж сколько их упало в эту бездну...»	345
Генералам двенадцатого года	347
«Под лаской плюшевого пледа...»	350
«Мне нравится, что Вы больны не мной...»	351
«Не самозванка — я пришла домой...»	352
«Я счастлива жить образцово и просто...»	353
«Целовалась с нищим, с вором, с горбачом...»	354

«Если душа родилась крылатой...»	355
«...Я бы хотела жить с Вами...»	356
«Кто создан из камня, кто создан из глины...»	358
«Вчера еще в глаза глядел...»	359
«На заре — наimedленной кровью...»	361
«В огромном городе моем — ночь...»	362
Поэты	363
Наклон	366
Попытка ревности	367
«Рас—стояние: версты, мили...»	369
«Вскрыла жилы: неостановимо...»	370
«Все повторяю первый стих...»	371

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Ночь	373
А вы могли бы?	374
Нате!	375
Послушайте!	376
А все-таки	378
Вам!	379
Лиличка! Вместо письма	380
К ответу!	383
Левый марш (Матросам)	385
Во весь голос. Первое вступление в поэму	387

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

«Поет зима — аукает...»	395
«Край любимый! Сердцу снятся...»	397
«Гой ты, Русь, моя родная...»	398
Песнь о собаке	400
«Не бродить, не мять в кустах багряных...»	402

«Разбуди меня завтра рано...»	404
«Нивы сжаты, рощи голы...»	405
«Я покинул родимый дом...»	406
«Я последний поэт деревни...»	407
«Не ругайтесь! Такое дело!...»	409
«Не жалею, не зову, не плачу...»	410
«Я обманывать себя не стану...»	411
«Да! Теперь решено. Без возврата...»	413
«Мне осталась одна забава...»	415
«Заметался пожар голубой...»	417
«Мы теперь уходим понемногу...»	419
«Я усталым таким еще не был...»	421
«Отговорила роща золотая...»	423
«Спит ковыль. Равнина дорогая...»	425
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...»	427
«Каждый труд благослови, удача!...»	429
«До свиданья, мой друг, до свиданья...»	431

П 67 Поэты Серебряного века : антология / Составление и статья О. Сабуровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 448 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-19480-9

По аналогии с пушкинским золотым веком эпоха рубежа XIX и XX столетия получила название Серебряного века и была ознаменована явлением небывалого числа ярких имен в русской поэзии: Бальмонт и Брюсов, Гиппиус и Мережковский, Сологуб и Анненский, Блок и Ахматова, Гумилев и Мандельштам, Цветаева и Пастернак, Есенин и Маяковский и десятки других. Но не только великое множество поэтических дарований породила эта эпоха. Серебряному веку было присуще особое романтическое мироощущение, удивительная атмосфера, ставшая отражением духовного подъема и новых веяний, которые затронули как русскую литературу, так и русскую живопись, философию, музыку и театр, — это был настоящий «культурный ренессанс», как писал Николай Бердяев.

В этой антологии с достаточной полнотой представлены наиболее яркие поэты Серебряного века, творчество которых прошло испытание временем и стало достоянием не только эпохи прошлого, но и частью русской литературы в целом.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)1+6-5

Литературно-художественное издание

ПОЭТЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Валерий Камендо, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.04.2021. Формат издания 70 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 18,06.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-PTR-28237-01-R